

ЛЮБОВЬ К РУССКОМУ ЯЗЫКУ И БЕСПОКОЙСТВО ЗА НЕГО (Кронгауз М. РУССКИЙ ЯЗЫК НА ГРАНИ НЕРВНОГО СРЫВА. М., 2009. 232 с.)

Последнюю четверть века русский язык меняется настолько быстро, что мы порой не успеваем не только усваивать значения некоторых новых слов, но и сами эти слова не успеваем разглядеть в потоке (правильнее будет сказать, шквале) обрушивающейся на нас речи. Не успеваем ни *разглядеть и запомнить*, ни *найти и обезвредить*. Нам постоянно угрожают концом то света, то языка. Постоянно призывают спасать язык и души. Но если для спасения душ существуют хоть какие-то рекомендации (да простит нас Господь!), то о мерах по спасению языка нам совсем ничего не известно. Только с начала века как минимум трижды уже возникали слухи о его гибели. И каждый раз СМИ почему-то называют это реформой языка. В сознании обывателя прочно закрепляется связь между проведением реформ и гибелью «великого и могучего». Чего стоят недавние страсти по йогурту! Нервничают простые обыватели: куда ударять? Что, теперь можно хоть куда ударять? Кто сказал, что теперь можно хоть куда ударять?

Обеспокоенность за судьбу языка время от времени «пандемически» поражает все слои населения. Она подобна постоянно мутирующему вирусу гриппа: то птичий, то свиной, то с ударами нела-

ды, то с переносом, то иностранные слова заедают, то *превед* от *медвед* (вот только этого *исчо* нам и не хватало!).

В постоянном раздражении филологи: устали объяснять, что слухи о смерти языка сильно преувеличены и несколько преждевременны. Самое главное: спокойные аргументы никто не слушает (*учить и лечить нас не нужно учить!*), а эмоции только подхлестывают общий ажиотаж. Возникает ощущение, что населению недодали норм, положенных ему по талонам, и оно (население) штурмом идет на лингвистов, требуя «свои селедки» в «государственной общественной кооперации».

В постоянном напряжении учителя. К вечным вопросам: *Чему учить их, если они и так больше нашего знают, и как учить, если они ничего не читают?* – и к не менее вечным проблемам *жаргонных слов и русского мата* добавилась проблема языка в интернете: *Что такое язык в интернете, если это не только издевательство над орфографией? Как в интернете правильно писать АФФТАР ЖЖОТ или АФТАР ЖЖОТ? А ведь надо еще решить, как в реале писать слово РИЭЛТОР-РИЭЛТЕР-РИЕЛТОР-РИЕЛТЕР? Что вообще значит это слово? Кто такие МОНЕГАСКИ? Как нау-*

чить ребенка играть в *манмейкера* и *маниспендера*? И если достанет сил, то еще и уточнить, слитно или раздельно что-то там писать.

Кажется, невозможно решить все эти проблемы. И – самое главное – невозможно избавиться от все возрастающего напряжения. *Не потому, что русский язык находится на грани нервного срыва. Переживаем и нервничаем мы сами, и, наверно, это правильно. Только не надо переходить эту самую грань* (Здесь и далее курсивом выделены цитаты из рецензируемой книги). Иногда просто надо спокойно поговорить обо всем, что накопилось.

Своим просвещенным друзьям и коллегам, всем переживающим за судьбу как всего русского языка, так и просто одного слова в нем (пусть это будет *горячее кофе* или *дбговор*), всем объединенным одним желанием – *понимать тексты на русском языке, то есть знать слова, которые в них используются, и понимать значения этих слов*, я советую прочитать книгу М. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва».

Главное достоинство этой книги, на мой взгляд, – соединение позиций «просвещенного обывателя» и лингвиста. Спокойно, без истерики и надрыва, автор предлагает обсудить несколько *тех самых* проблем: взаимодействия сленга и других жаргонов с литературным языком; употребления бранных слов *на поле брани* и вне его; употребления заимствований, в которых присутствует какая-то *трудноуловимая аура, привлекательность актуальности и новизны*; притягия языковой свободы, которая *способствует творчеству и делает речь более выразительной*; необходимости изменения орфографии в реальной жизни и *яростной порчи орфографии* в интернете; становления электронного этикета и утверждения норм русского языка Правительством РФ. Книга полезна и в качестве пособия, если можно так сказать, по повышению лингвистической компетентности и преодолению семантической безграмотности: вы не только узнаете много новых слов (*уберсексуалы, трендсеттеры, зорбинг* и пр.), но и – что не менее важно – узнаете их значения; узнаете, действительно ли происходит «криминализация» языка; узнаете, что губит русский мат; узнаете о новой коммуникативной стратегии – стратегии неполного понимания и прочая, и прочая, и прочая... В общем, пройдете *курс молодого словца*. Конечно, жили как-то и без этого, но ведь «лишних знаний не бывает»! Оказывается, все поддается объяснению и обсуждению: там, где обыватель, который находится внутри нас, не понимает, лингвист – его alter ego – растолкует, и где лингвист не находит логического объяснения, обыватель даст эмоциональную оценку (*а мне так нравится, и делайте со мной, что хотите!*).

Блестящая эрудиция (*раздел «Ключевые слова эпохи»*), легкая *ирония по инерции*, чувство юмора (*заметки о коллективном остроумии*), речевые клише как источники постоянной языковой игры (*читатель может развлечься, вспоминая источники цитат*) будут сопровождать вас на всем протяжении чтения этой книги. Вы спросите, не надоест? – Честно отвечаю: нет! Потому что это как собственные мысли вслух, как разговор с прекрасным остроумным собеседником, не как назидательная беседа, не как надоедливая лекция. Что-то отметите про себя: а я не в курсе! Что-то постараетесь запомнить, чтобы тоже где-нибудь блеснуть. А запомнить, на мой взгляд, есть что.

Есть некоторые любопытные наблюдения: *Мы сейчас не создаем общественные, профессиональные и культурные отношения, а, скорее, заимствуем их вместе с соответствующими словами, то есть живем в условиях трансляции чужой культуры*.

Есть некоторые любопытные заключения: *Национальное примирение на почве языка возможно, так как лингвистическая рефлексия в широком смысле – один из важнейших процессов, который связывает народ и язык и – по крайней мере, отчасти – определяет развитие последнего*.

Есть некоторые любопытные замечания: *Русский язык в интернете это, конечно же, черт знает что такое. Но при том это все равно русский язык*.

Есть некоторые любопытные суждения: *Мне не хочется, чтобы по поводу языка издавались какие-то законы и постановления, принимались судебные решения, и меня и мой родной язык таким образом регулировали бы или, что еще хуже, мой язык от меня таким образом защищали. Как и любой носитель языка, я имею полное право считать себя его хозяином, хотя и не единственным, конечно. Да и вообще, язык, как и природа, не имеет злой воли, а вот про власть этого же с уверенностью сказать нельзя*.

Есть некоторые любопытные прогнозы: *В долгосрочной же перспективе грамотные образованные люди, безусловно, спасут нашу орфографию и победят. Вы спросите, как? – А как обычно: не известным науке способом*.

В заключение хочется сказать, что книга Максима Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва», безусловно, яркое явление в научной и литературной жизни страны. *Привлекая внимание* не только специалистов, но и широкого круга читателей, она *одновременно является тестом на «свой – чужой»*. И неважно, сколько полосок высветится на вашем тесте в итоге, любовь к русскому языку и беспокойство за его судьбу останутся с вами. Именно этого и добивается автор.

Надежда Васильевна Багичева
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка
и методики его преподавания в начальных классах УрГПУ